

Преследования Бродского в Ленинграде

Правила советских идеологических кампаний требовали, чтобы по примеру шельмования, которому были подвергнуты молодые писатели и художники в Москве, нечто подобное произошло и в других культурных центрах страны, в первую очередь в Ленинграде. Ленинградскому партийному руководству местное управление госбезопасности и руководство местного Союза писателей могли предоставить достаточно обширные списки молодых литераторов-нонконформистов. В 1963–1964 годах в местной печати и на специально проводимых собраниях творческой интеллигенции разносу подвергались как печатавшиеся молодые писатели, так и те, чьи сочинения читались только товарищами по литературным объединениям или даже в домашнем кругу. Казалось бы, более сравнимыми по общественному статусу с московскими жертвами идеологической кампании, такими как Евтушенко и Вознесенский, в Ленинграде были Виктор Соснора и Александр Кушнер, талантливые оригинальные поэты, уже выпустившие по книге стихов и печатавшиеся в журналах. Им действительно пришлось в этот период несладко, но главной жертвой ленинградской инквизиции стал их младший товарищ Иосиф Бродский, чей список публикаций ограничивался на это время одним детским стихотворением в журнале «Костер» и несколькими переводами.

Хотя Бродский уже года три находился в поле зрения ленинградского КГБ и его партийных кураторов, поначалу они вряд ли выделяли его как самую одиозную фигуру из

165 См.: *Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era*, New York: W. W. Norton, 2003. P. 591 (рус. пер. *Таубман У. Хрущев*. М.: Молодая гвардия, 2005).

166 *Ильичев Л. Ф.* Основные задачи идеологической работы партии. В кн.: Пленум ЦК КПСС 18–21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 58–59.

167 Там же. С. 36.

168 Там же. С. 26.

достаточно большой группы фрондирующих молодых литераторов. На роль показательного объекта травли Бродский в тот момент годился не больше, чем другие неофициальные поэты и писатели. Скорее даже меньше, чем многие из них, поскольку после эпизода в Манеже почти обязательным признаком идеологической испорченности считался «формализм» (под которым понималось любое новаторство, любое отступление от соцреалистического канона), а поэтика Бродского была сравнительно консервативна. Большинство молодых, например тот же Соснора, решительнее экспериментировали с литературными формами.

В 1963 году, однако, ленинградская госбезопасность и тесно сотрудничавший с ней обком комсомола обратили внимание на то, что их бывший фигурант по делу Уманского и Шахматова становится исключительно популярен среди интеллигентной молодежи города. 27 января 1963 года в газете «Смена» излагался доклад секретаря Ленинградской областной промышленной организации ВЛКСМ Кима Иванова. Комсомольский лидер, которому вскоре предстояло стать главой ленинградского КГБ, критиковал Союз писателей за недостаточное внимание к творческой молодежи: «Именно поэтому по городу бродят и часто выступают перед молодежью с упадническими и формалистическими произведениями разного рода „непризнанные“ поэты типа Бродского. <...> Союз писателей отгораживается от подобных молодых людей, мыслящих себя „отвергнутыми гениями“, вместо того чтобы воспитывать их, давая отпор наносному, надуманному в творчестве этих в той или иной степени известных людей»¹⁶⁹. Интересно, что двадцатидвухлетнего Бродского комсомолец-гебист относит к «известным людям». Интересно также, что в начале 1963 года еще предполагается, что его можно «перевоспитать».

Позднее среди ленинградской интеллигенции утвердилось социально-психологическое объяснение того, почему жертвой показательных репрессий был выбран Бродский. Оно сводится к мысли о том, что сработало некое «коллективное бессознательное» государства, учувшего опасность в том уровне духовной свободы, на который выводил Бродский читателя даже аполитичными стихами. Его «стихи описывали недоступный для слишком многих уровень духовного существования... [они утоляли] тоску по истинному масштабу существования»¹⁷⁰. Прозаическое стечение случайностей, на наш взгляд, служит не менее возможной причиной.

Обрушить лавину репрессий на Бродского было доверено совершенно ничтожному «винтику» советской системы – Якову Михайловичу Лернеру¹⁷¹. Человек это был малообразованный. Будучи евреем, он не мог сделать в сороковые годы партийную карьеру, а вот в смутное хрущевское время Лернер пытался уловить карьерные возможности. Случай представился в 1956 году, когда он занимал скромную должность завхоза в Ленинградском технологическом институте. В октябре группа студентов института, в которой активную роль играли Рейн, Найман и Бобышев, выпустила стенную газету «Культура» со статьями о западноевропейском искусстве нового времени. Это само по себе политически нейтральное событие совпало с волнениями в Польше и революцией в Венгрии. В обеих странах студенты были застрельщиками выступлений против коммунистического режима, и советская власть, подавляя мятежи за рубежом, усилила контроль и за собственным студенчеством. Сигнал о

169 Цит. в Юнн 2001.

170 Лурье 1990. С. 166, 167.

171 «Человек, глубоко неудовлетворенный своей работой хозяйственника, рвущийся к власти и усмотревший в правах дружинника возможность добиться этой власти. Он завязывал знакомства с милицией, прокуратурой, партийными работниками и следователями КГБ, оказывая им подчас ценные услуги... По характеру склонен к дешевой детективщине, к провокации. Подозрителен и честолюбив» (Чуковская 1999. С. 159). По сведениям хорошо осведомленного И. М. Меттера, Лернер в молодости был сотрудником НКВД (Гордин 1989. С. 149). Позднее Лернер зарвался. Он начал вымогать деньги, пользуясь именами своих покровителей в руководстве города, и это ему с рук не сошло. Он был дважды, в 1973 и 1984 гг., осужден за мошенничество. Родители Бродского присутствовали на первом суде. После отбытия наказания уже в годы перестройки Лернер продолжал выступать с «разоблачениями» Бродского, сотрудничая с крайне антисемитскими изданиями.

крамольной «Культуре» подал Лернер – написал в институтскую многотиражку разоблачительную статью-донос. За статьей последовали разбирательства и санкции против сотрудников «Культуры». Рейн вынужден был перейти в другой, менее престижный институт.

В то же время в стране начали создавать «народные дружины» для помощи милиции в поддержании общественного порядка. В большинстве случаев это было формальное мероприятие. Студенты вузов или молодые рабочие, сотрудники учреждений отбывали положенное по разнарядке время, курсируя по улицам с красными повязками на рукавах. Иногда они помогали милиционерам притащить в отделение пьяного. Были, однако, и более активные дружины. Одну из них в 1963 году возглавлял Лернер, который к этому времени служил уже не в Технологическом институте, а в институте «Гипрошахт» на канале Грибоедова в одном квартале от Невского. «По тогдашним нравам, – рассказывал журналистам уже в перестроечные годы А. С. Костаков, бывший прокурор Дзержинского района, который 12 декабря 1963 года потребовал предания Бродского общественному суду Союза писателей, – общественность как бы превалировала над законом. Скажем, дружина Лернера и он сам были вездесущи – они запросто заходили в райком, к тому же секретарю райкома Н. Косаревой. У них был набор всевозможных удостоверений – „общественный помощник прокурора, следователя и т.д.“. <...> Кстати, в отношении тех же дружинников Лернера возбуждались уголовные дела. Иногда эти люди выступали в роли грабителей. Но тем не менее Лернер и его команда, заручившись поддержкой райкома, процветали»¹⁷². «Оперативный отряд» орудовал в самом центре города, и он использовал это обстоятельство, чтобы доказать властям свою преданность и организаторские способности. Антиинтеллигентская кампания 1963 года была для него поводом вновь обратить на себя внимание, причем на самом высоком уровне. В архиве ЦК КПСС сохранилось письмо, написанное Лернером Хрущеву 11 марта 1963 года, то есть сразу после публикации отчета о мартовской встрече Хрущева с писателями и деятелями искусства. Содержание этого не слишком грамотного документа сводится к льстивым похвалам Хрущеву¹⁷³. Лернер благодарит вождя за то, что в Советской стране нет и не может быть антисемитизма, жалуется на евреев, которые преследуют его за то, что у него русская жена, внучка православного священника, сообщает о своей дружинной деятельности. Скорее всего, главная цель опытного карьериста состояла в том, чтобы лишний раз обратить на себя внимание властей. Лернер понимал, что оттаскиванием пьянчуг в вытрезвитель и хулиганов в кутузку карьеру не продвинешь, а вот разоблачением «чуждого элемента», идейного растлителя молодежи в разгар всесоюзной идеологической кампании можно.

Бродский был другом Рейна, Наймана и Бобышева, которых Лернер помнил с 1956 года. Бродский был евреем, что немало значило для стремившегося отмежеваться от своего еврейства Лернера. Бродский не имел постоянного места работы, и, таким образом, его можно было «подвести под указ» как тунеядца (что тоже немаловажно, потому что разоблачение идеологических противников не входило, строго говоря, в компетенцию милиции и народной дружины, а вылавливание тунеядцев входило). Наконец, Бродский жил в Дзержинском районе, где Лернер был своим человеком в райотделе милиции. Лернер завел досье на Бродского. В папке, которую он показывал журналисту О. Г. Чайковской, были не только записи его наблюдений за Бродским, но и личный дневник шестнадцатилетнего Бродского (1956 год)¹⁷⁴. Дневник мог быть либо выкраден, либо получен от знакомых следователей КГБ. 21 октября Лернер позвонил Бродскому и как руководитель народной дружины попросил его зайти для разговора. Как понял Бродский, единственной целью

172 Якимчук 1990. С. 31.

173 Опубликовано в «Литературной газете» (1997. № 22. С. 14).

174 Чуковская 1997. С. 385.

пятнадцатиминутной встречи было выяснить, не устроился ли он на постоянную работу¹⁷⁵. Постоянного места службы Бродский не имел, и Лернер решил: его можно было объявлять тунеядцем.

29 ноября в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья «Окололитературный трутень», подписанная Лернером и двумя штатными сотрудниками газеты, Медведевым и Иониным¹⁷⁶. Писали они в том же вульгарном стиле, что и автор вышеупомянутой статьи «Бездельники карабкаются на Парнас» в московских «Известиях». Лернер и его соавторы четырежды повторили в своей статье любимую им фразу. Бродского называли «пигмеем, самоуверенно карабкающимся на Парнас», говорили, что ему «неважно, каким путем вскарабкаться на Парнас», что он «не может отделаться от мысли о Парнасе, на который хочет забраться любым, даже самым нечистоплотным путем». Клеймили его даже за то, что он желает «карабкаться на Парнас единолично», как если бы коллективное карабканье заслуживало снисхождения¹⁷⁷. Лернер не отличался аккуратностью, материалы своих доносов не проверял, и в статье перевернуто почти все, что относится к Бродскому. К возрасту его прибавлено три года, ему приписана дружба с людьми, которых он никогда в глаза не видел. Из трех стихотворных цитат, призванных проиллюстрировать упадочничество, цинизм и бессмыслицу его стихов, две взяты из стихов Бобышева (о чем Бобышев сделал заявление в Союз писателей сразу же после опубликования статьи). Третья, из юношеской поэмы Бродского «Шествие», представляет собой окончания шести строк, от которых отрезаны первые половинки, до цезуры, из-за чего текст действительно превращался в бессмыслицу. В статье в беллетризованной форме пересказывался самаркандский эпизод – недоказанная попытка угона самолета и попытка передачи рукописи Уманского Мелвину «Бейлу» (почему-то простая фамилия Белли чекистам не давалась):

«Бейл пригласил [Бродского и Шахматова] к себе в номер. Состоялся разговор.

– У меня есть рукопись, которую у нас не издадут, – сказал Бродский американцу. – Не хотите ли ознакомиться?

– С удовольствием сделаю это, – ответил Мелвин и, полистав рукопись, произнес: – Идет, мы издаем ее у себя. Как прикажете подписать?

– Только не именем автора.

– Хорошо. Мы подпишем ее по-нашему: Джон Смит»¹⁷⁸.

Эта идиотская сцена насмешила бы даже неприхотливого читателя советского шпионского романа, но в данном контексте она была грозным сигналом: за Лернером стоит ленинградский КГБ, без поддержки которого материалы по делу Уманского в печать бы не попали. Угрожающе звучало и название статьи: «трутень» – синоним слова «тунеядец». Чаще всего за такого рода фельетонами для их героев следовали неприятности типа исключения из комсомола или учебного заведения. Исключить Бродского из комсомола или института было невозможно, так как он ни там, ни там не числился, а вот за «тунеядство» могли судить. «Он продолжает вести паразитический образ жизни. Здоровый 26-летний (!) парень около четырех лет не занимается общественно полезным трудом»¹⁷⁹, – говорилось в заключительной части статьи. Тунеядец, пишущий формалистические и упадочнические

175 Там же. С. 170.

176 В сравнительно узком кругу ленинградских журналистов Медведев (Берман) и Ионин оказались в щекотливом положении, поскольку подписанная ими статья наверняка обрекала на тюрьму сына их знакомого и коллеги А. И. Бродского. Оба говорили, что их роль сводилась к литературной обработке материалов Лернера и что отказаться они не могли под угрозой потери работы.

177 Цитирую по Гордин 2000. С. 159-163.

178 Там же. С. 162.

179 Там же. С. 163.

стишки, пресмыкающийся перед Западом – получался собирательный образ отщепенца, прямо по докладу Ильичева на июньском пленуме ЦК¹⁸⁰.

Почему для расправы с Бродским было выбрано обвинение в тунеядстве? Историк В. Козлов объясняет: «В середине 60-х годов, до и после снятия Хрущева, идет поиск наиболее эффективных мер воздействия на инакомыслящих, соблюдая при этом правила игры в социалистическую законность. <...> Дело Бродского – это один из экспериментов местных властей, которым не нравится некая личность с ее взглядами, убеждениями и представлениями, но которую по законам советской власти нельзя судить за эти убеждения и представления, ибо он [их] не распространяет... Значит, <...> эксперимент – судить Бродского за тунеядство»¹⁸¹. Лернер очень старался, чтобы этот эксперимент прошел успешно. Бродский, строго говоря, даже по советским законам, тунеядцем не являлся. Частая смена места работы не поощрялась, но «Указ о борьбе с тунеядством» был нацелен не на «летунов», а на тех, кто вообще не работает, живет на нетрудовые доходы (мелкая спекуляция, проституция, нищенство), пьянствует, хулиганит. Нужно было представить дело так, что, по крайней мере весь последний год, после казахстанской экспедиции в сентябре 1962 года, Бродский бездельничал. Но в этот период Бродский как раз начал зарабатывать литературным трудом. В ноябрьском номере журнала «Костер» за 1962 год была напечатана пространная «Баллада о маленьком буксире». Осенью 1962 года в московском издательстве «Художественная литература» вышла антология кубинской поэзии с двумя переводами Бродского, в 1963-м еще два его перевода были включены в сборник поэтов Югославии, и уже имелись договоры с этим солидным издательством на новые переводы. Лернер специально поехал в Москву, напугал руководство «Художественной литературы» антисоветской репутацией молодого ленинградца и добился аннулирования новых заказов на переводы.

Поначалу Бродский среагировал на появление пасквиля наивно: он написал обстоятельный ответ, доказывая по пунктам лживость и несостоятельность обвинений¹⁸². Письмо осталось без ответа. Поход «за правдой» вместе с уважаемым ученым-китаистом Борисом Бахтиным, сыном прославленной советской писательницы Веры Пановой, в Дзержинский райком партии к секретарю райкома Н. С. Косаревой, которая была не прочь порой проявить либерализм¹⁸³, никаких результатов не дал. К этому моменту решение покарать Бродского, чтобы другим неповадно было, уже приняли на высшем ленинградском уровне. Да и неспособный к идеологической мимикрии Бродский на приеме у партийной руководительницы Дзержинского района неуместной откровенностью лишь убедил ее в своей глубокой испорченности. На вопрос, почему он не стал получать высшее образование, Бродский ответил: «Я не могу учиться в университете, так как там надо сдавать диалектический материализм, а это не наука. Я создан для творчества, работать физически не могу. Для меня безразлично, есть партия или нет партии, для меня есть только добро и зло»¹⁸⁴. Это из сжатого отчета Н. С. Косаревой, то есть не абсолютно точное цитирование, но характерные для молодого Бродского высказывания тут узнаются.

Поскольку дело шло о поэте, ленинградский Союз писателей не мог остаться в стороне. Его руководителем был в это время А. А. Прокофьев (1900–1971), небесталаный поэт, сам некогда бывший объектом официальной критической проработки, но убежденный «солдат

180 Полгода спустя Ильичев санкционировал своим авторитетом дело Бродского и в разговоре с А. А. Сурковым назвал поэта «подонком» (Чуковская 1997. С. 217).

181 www.sem40.ru/famous/pis20_6.htm.

182 См. Гордин 2000. С. 167-172.

183 См. прим. 257.

184 Освобождение 2000. С. 70.

партии», человек со вздорным характером, несколько сродни хрущевскому. Руководил он писательской организацией авторитарно с помощью правления и партийного бюро, составленных главным образом из его прихлебателей, самых бездарных литераторов, каких только можно было найти в Ленинграде: это были пожилые поэты Н. Л. Браун и И. К. Авраменко, прозаик П. И. Капица и несколько серых приспособленцев помоложе. Несмотря на постоянную готовность Прокофьева служить партии, понадобился специальный трюк, чтобы вызвать особую ярость этого темпераментного человека по отношению к Бродскому. Кто-то из окружения подsunул ему грубую эпиграмму, каких было немало (обычно в них заглазное прозвище «Прокопа» рифмовалось с неприличным словом). Автором объявили Бродского, хотя, как пишет близкий друг Бродского, «никаких эпиграмм Иосиф на Александра Андреевича не писал. Прокофьев, честно говоря, интересовал его весьма мало»¹⁸⁵.

17 декабря Лернер выступал на заседании секретариата Союза писателей. Ему было поручено зачитать письмо прокурора Дзержинского района о предании Бродского общественному суду. Общественные суды как квазиюрídические инстанции представляли собой собрания общественности по месту работы или жительства «подсудимого». Поскольку речь шла о начинающем литераторе, видимо, предполагалось, что общественный суд будет организован Союзом писателей, хотя формально Бродский не был связан с этой организацией. Обычно общественные суды ограничивались ритуальным шельмованием нарушителя общественного спокойствия, но иногда принимали решение о передаче дела в настоящий суд. Правление ленинградского Союза писателей постановило и «в категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Бродского [и] поручить выступить на общественном суде гг. Н. Л. Брауну, В. В. Торопыгину, А. П. Эльяшевичу и О. Н. Шестинскому», а «имея в виду антисоветские высказывания Бродского и некоторых его единомышленников, просить прокурора возбудить против Бродского и его „друзей“ уголовное дело»¹⁸⁶. Почему правление писательской организации пошло в инквизиторском усердии дальше, чем прокуратура? Со страху. «Писатели-секретари, сформировавшиеся как писатели во времена [Сталина], все еще продолжали жить в прошлом. Ленинградская писательская организация в годы „большого террора“ понесла громадный урон»¹⁸⁷.